Сможет ли Германия возродить военную мощь?

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

В случае успеха амбициозные военные и военно-промышленные планы правительства Германии могут привести к сейсмическим изменениям в Европе. Однако их воплощение в жизнь столкнется со слишком серьезными вызовами.

Содержание

1 Немецкие планы
2 Реакции внутри ЕС
3 Реакции США

В политических кулуарах ЕС начинаются непривычные, но ожидаемые разговоры о планах Германии стать главной военной и военно-промышленной державой континента. Как отмечает издание Politico, «на протяжении десятилетий Европейский союз развивался на основе негласного понимания: Германия занимается деньгами, а Франция – военной сферой». Сейчас же Берлин, кажется, всерьез намерился изменить эти расклады. По крайней мере, коалиционное правительство ФРГ во главе с правоцентристским канцлером Фридрихом Мерцем декларирует и начинает воплощать в жизнь именно такие планы.

Несмотря на то, что задумки немецких властей пока обсуждаются скорее шепотом, это действительно стратегически большая тема. В случае успеха немецких замыслов последствия для военных и политических раскладов внутри ЕС, а также для внешней политики и политики безопасности всего Евросоюза не заставят себя ждать.

Однако высока ли вероятность успеха? И как на это будут реагировать в самой Европе и за ее пределами?

Немецкие планы

Сразу оговоримся, что Германии необходимо пройти большой путь, чтобы действительно превратиться в главную военную державу Европы, которая будет наводить страх на континенте и за его пределами.

> Несмотря на свою традиционную экономическую мощь, текущее состояние Бундесвера по оценкам самого немецкого правительства едва ли можно назвать соответствующим каким-то военно-политическим амбициям.

Это касается и вооружений, и подготовленности вооруженных сил, и глубочайшей военной и военно-промышленной зависимости Берлина от США.

Да и наблюдаемая сейчас ситуация внутри Германии вряд ли будет способствовать скорому и гладкому воплощению планов по милитаризации.

Во-первых, экономически страна уже не выглядит той безоговорочной силой, которая десятилетиями обеспечивала собственный стремительный рост и была драйвером всей европейской экономики. Сегодня все указывает на системный кризис экономической модели Германии, который затрагивает сразу несколько ее основ. Рано или поздно Берлин, вероятно, сможет найти выход из этого кризиса. Но как быстро – сказать сложно. При этом ставка на военную промышленность как на антикризисный инструмент понятна, но не обязательно даст искомый результат. Как минимум, чтобы эта ставка сработала, Берлину нужно обеспечить масштабирование заказа для своей военной промышленности за пределами самой Германии. А такие перспективы, как мы покажем ниже, не выглядят гарантированными.

Во-вторых, на глазах уходит в прошлое и политическая стабильность Германии. Хочется верить, что это временное явление. Но в ближайшей перспективе пока больше оснований ожидать дальнейшего ухудшения ситуации, чем ее возврата к привычной нормальности.

Тем более что, *в-третьих*, Германия явно переживает еще и кризис идентичности. Он выражается не только в переосмыслении своего места в европейской и глобальной политике, но и, как кажется, затрагивает глубинные пласты самосознания и самоощущения германского общества. И на деловом, и на общекультурном уровне в последние годы все острее чувствуется, что даже со знаменитым немецким чувством порядка (орднунга) происходят какие-то метаморфозы. Ценностные, культурные и политические пласты противоречий в

этой стране, по скромным наблюдениям автора, переплелись в такой клубок, который уверенно можно назвать глубочайшим кризисом идентичности за последние полвека.

В контексте этих внутренних вызовов, прежде всего кризиса идентичности, военные амбиции правительства Мерца выглядят особенно интересно. Потому что названные вызовы совсем не означают, что ФРГ не сможет хотя бы частично достичь поставленные цели. Но они во многом усложняют путь и генерируют дополнительные сложные вопросы.

К 2029 году Берлин собирается тратить на оборону 153 миллиарда евро, что будет примерно соответствовать 3,5% ВВП, то есть принятому странами НАТО на Гаагском саммите этого года обязательству по чисто военным расходам. Еще 1,5% ВВП должны направляться на смежные статьи расходов. Для сравнения: Франция собирается к 2030 году выделять на нужды обороны около 80 миллиардов евро, а также претендующая на военное первенство в ЕС Польша, вероятно, сможет тратить не более 50 миллиардов евро в год.

Поэтому важно подчеркнуть, что, несмотря на отмеченные кризисные явления в самой немецкой экономике, она в намного лучшем состоянии, чем, например, французская. Особенно с учетом очень высоких уровней государственного долга и бюджетного дефицита во Франции на фоне завидных возможностей немецких властей привлекать обширные заимствования на выгодных условиях. Такие сравнения и приводят многих в ЕС к выводу о серьезности военных намерений Берлина и о том, что «это самое важное из того, что прямо сейчас происходит на уровне ЕС».

Берлин же в этом контексте только за последние несколько месяцев принял ряд знаковых решений. Например, в середине марта Бундестаг ослабил конституционные ограничения на долговое финансирование. Основной смысл решения – убрать законодательные преграды для резкого повышения финансирования военной и военно-промышленной сфер. Министерство обороны подготовило «список пожеланий», где прописаны долгосрочные потребности Бундесвера в различных программах вооружения на общую сумму более 377 миллиардов евро. В настоящее время готовятся проекты контрактов из этого списка на 83 миллиарда для одобрения Бундестагом до конца 2026 года.

Также начались горячие дебаты по поводу восстановления всеобщей воинской повинности. Сторонникам такого решения пока не удалось полностью убедить своих оппонентов. Но на прошлой неделе было принято пока компромиссное

решение. Оно сводится к обязательным регистрации и медицинскому скринингу всех 18-летних мужчин, что даст правительству более точную информацию о потенциальном мобилизационном ресурсе. А политические дискуссии о возможном введении обязательного призыва продолжатся.

Реакции внутри ЕС

> Естественно, что немецкие военные амбиции автоматически возвращают призраки прошлого во многих уголках Европы. Хотя после окончания Второй мировой войны минуло уже восемь десятилетий, уйти от ассоциаций милитаризованной Германии с европейскими катастрофами XX века многим все еще сложно.

При этом нельзя сказать, что перспектива вернувшей себе военную мощь Германии пугает всех в Европе и за ее пределами. Часто встречаются громкие голоса, которые, наоборот, давно призывают Берлин конвертировать экономическую мощь в военную. Какие-то из этих голосов исходят из того, что без Германии ни Франция, ни какая-то другая европейская страна не сможет превратить громкие декларации о военной и военно-промышленной автономии ЕС в реальность. Иные считают, что сильная в военном отношении ФРГ критически важна для создания устойчивого военно-политического баланса на континенте.

Но даже в тех странах, которые позитивно оценивают такие перспективы, в силу различных факторов – в том числе структурных – реально не так много возможностей способствовать процессу.

Есть, например, очевидный политэкономический вопрос. Чтобы немецкая военная промышленность развернулась по полной, ей важно иметь серьезные заказы за пределами собственной страны. Иначе она не сможет создать и поддерживать существенную производственную базу. На долгой дистанции ей также будет сложно предлагать конкурентоспособную цену на немецкое вооружение и гарантировать ее бесперебойное сервисное обслуживание. Это обстоятельство в более долгосрочной перспективе делает Берлин естественным интересантом концепции европейской стратегической автономии, которая подразумевает в том числе снижение зависимости от внешних поставщиков вооружений. Хотя вплоть до настоящего времени немецкие власти не демонстрировали безоговорочной приверженности этой концепции на практике, что дополнительно стимулировало противоречия между Берлином и Парижем.

Однако, даже если Германия теперь станет главным промоутером европейской стратегической автономии, насколько остальные государства континента будут готовы поддержать ее устремления? Насколько они захотят и смогут повышать гипотетическую долю импорта вооружений из Германии? Вопрос не только в отношениях с ФРГ и восприятии ее военных планов с опаской. Еще более серьезный вопрос в отношениях с США. Ведь закупки американских военных систем для европейских государств ценны не только самими собой. Они также являются ключом к поддержанию тесных политических отношений с США, способом лоббировать свои интересы в Вашингтоне.

Более того, многие европейские компании глубоко интегрированы в производственные и логистические цепочки американского военно-промышленного сектора. Это также делает их стейкхолдерами существующих раскладов, даже если в теории большая стратегическая автономия Европы сулила бы им большими возможностями. Как говорится, лучше синица в руке, чем журавль в небе. Особенно в такие времена зашкаливающей неопределенности, как сейчас. Тем более, что сама Германия не предлагает конкретных планов для европеизации своей военной модернизации. Наоборот, она решительно охраняет свои собственные компании от конкурентов, а свою систему военных закупок – от претензий Еврокомиссии на координирующую роль в масштабе всего ЕС.

Кроме того, абсолютное большинство европейских членов НАТО (в том числе и сама Германия) глубоко заинтересованы сохранить, пусть и в сокращенном виде, американское военное присутствие в Европе. Вместе с ним сохраняется и хотя бы частичное чувство защищенности под американским зонтиком безопасности. С этой целью они также продолжат «держаться» за контракты с американскими производителями вооружений как за аргумент последней инстанции, чтобы предотвратить тотальный уход военных США из Европы.

У этой темы есть и еще один деликатный нюанс. После разгрома гитлеровской Германии именно американское военное доминирование в Европе рассматривалось как гарантия того, что даже с очень сильной экономикой немцы никогда не возродятся как милитаризованная нация. И никогда не будут вновь угрожать никому на европейском континенте. Актуальность подобных страхов, как мы отметили выше, сейчас значительно ниже, чем еще несколько десятилетий назад. Но полностью выносить их за рамки анализа было бы неправильно.

Особенно на фоне правого поворота в немецкой политике, который уже на следующем шаге вполне может привести к вхождению крайне правой «Альтернативы для Германии» (АдГ) в правящую коалицию на федеральном

уровне. Сегодня эта партия уверенно оказывается на втором месте в национальных опросах общественного мнения. А по некоторым оценкам – и вовсе уже стала самой популярной политической силой Германии.

Более мейнстримные партии вынуждены перенимать программные положения АдГ и начинать с ней сотрудничать, несмотря на ранее провозглашенную «стену изоляции», то есть отказ от любого сотрудничества, даже по взаимовыгодным темам. В итоге эти стены начинают осыпаться в Германии (как и на общеевропейском уровне), как карточные домики. Понятно, какие эмоции это вызывает в других европейских странах и как это будет сказываться на отношении этих стран к военным планам Берлина.

Реакции США

Ну и, пожалуй, главный вопрос – как на немецкие военные амбиции будут смотреть в США? Очевидно, что Вашингтон располагает широкими возможностями если не сорвать, то уж точно скорректировать планы Берлина.

> США во многом и являются причиной декларируемых и происходящих изменений в европейском военном мышлении, в том числе в Германии. Вероятно, даже большей, чем фактор восприятия российской угрозы.

Как показывают данные Стокгольмского международного института исследований мира (SIPRI), при заметных всплесках спроса на вооружения со стороны европейских членов НАТО после 2014 и 2022 годов, именно возвращение Дональда Трампа в Белый дом сделало повестку европейской милитаризации безвозвратной. Это же можно проследить и по хронологии знаковых решений в этой области в ЕС и Германии в 2025 году.

Европейские политики сейчас часто говорят, что риторика и действия администрации Трампа привели к тому, что с их стороны больше нет былого доверия к главному союзнику. Прежде всего, в плане уверенности, что в случае гипотетического конфликта США будут полноценно выполнять свои союзнические обязательства в соответствии со статьей 5 Устава НАТО. Вернее, в плане европейских интерпретаций того, что именно подразумевает эта краеугольная статья коллективной обороны Альянса (так как универсального прочтения у нее нет). Однако представляется, что в действительности проблема куда шире: она во все более расходящихся стратегических интересах США и ЕС.

Но в любом случае тотальная завязанность стран ЕС на американский зонтик безопасности и стремление сохранить его в как можно более раскрытом виде автоматически дают Вашингтону огромный рычаг давления и влияния на все будущие планы развития военной промышленности в Европе.

Понятно, что реальное и масштабное движение Германии по заявленному пути означало бы снижение европейских закупок из США. Хотя, разумеется, американские производители доминируют на рынке Европы не повсеместно. Например, корабли, подводные лодки, танки, бронированные машины и артиллерийские системы европейские члены НАТО в основном получают от неамериканских производителей. Поэтому до какой-то степени немецкая военная промышленность могла бы нарастить поставки на континенте без ущерба для американских конкурентов. Но только до какой-то. Поэтому можно не сомневаться, что и военно-промышленное лобби, и правительство в США едва ли могут быть в восторге от немецких планов.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»